

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК СОСТОЯНИЕ
СОЦИАЛЬНОЙ ТРАВМЫ ДЛЯ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН
(НА МАТЕРИАЛАХ УКРАИНЫ)

Гридина И.Н.

GREAT PATRIOTIC WAR OUTBREAK
AS A STATE OF SOCIAL SHOCK
FOR SOVIET CITIZENS
(UKRAIN CASE STUDY)

GRIDINA I.N.

В статье проанализировано, как события начала войны повлияли на духовное состояние населения СССР, изменяли мотивацию поведения людей, влияли на переоценку ценностей, в какой мере морально-психологическое состояние людей определяло успехи/неудачи начального периода Великой Отечественной войны.

The article analyses war outbreak impact on USSR population spiritual state, change of people's behaviour motivation, reappraisal of values and what impact people's moral and psychological state had on successes/setbacks of Great Patriotic War initial period.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, социальная травма, морально-психологическая атмосфера, Украина, экстремальные условия войны.

Keywords: Great Patriotic War, social shock, moral and psychological atmosphere, Ukraine, war extreme conditions.

УДК (477) «1941/1945»: 304.44

Процесс участия в войне, активный или пассивный, существенно влияет на сознание человека, качественно изменяя его. В военное время в несколько раз увеличивается нагрузка на психику как в связи с влиянием непосредственно этиопатогенного фактора (переживания, связанные с угрозой жизни), так и в связи с ситуацией информационной неопределенности, угрозой существования близких, разрушением функционирования психофизиологической организации и основных жизненных стереотипов, перманентной усталости и т.п.

При этом в большинстве случаев жизнь человека становится зависимой не от обычных условий, которые определяют в мирное время благосостояние (материальное положение, образование, особенности работы и быта), а от умения выживать в экстремальных условиях.

Великая Отечественная война явилась одним из жесточайших испытаний для граждан СССР, ставкой в котором были физическое и духовное выживание. От того, насколько были сильны духовные силы советских граждан, духовная безопасность страны, зависела их жизнь, существование их государства. Однако состояние социального шока (травмы) населения в начале войны, психологическая неготовность армии и народа к неожиданному переходу от событий, мыслей и забот мирного времени к опасности и полной неупорядоченности быта времени военного стало одной из существенных причин неудач начального периода Великой Отечественной войны.

В данной статье преимущественно на материалах Украины ставится задача проанализировать, как события начала войны повлияли на духовное состояние населения СССР, изменяли мотивацию поведения людей, влияли на переоценку ценностей, что в свою очередь определяло успехи/неудачи мобилизационной политики советского правительства. При этом необ-

ходимо учитывать, что описываемую ситуацию некорректно экстраполировать на население всей страны, так как на состояние населения регионов, оказавшихся в районе активных боевых действий, влияли специфические факторы.

Необходимо отметить, что данные вопросы, особенно в последнее время, привлекают внимание как украинских, так и российских исследователей [1]. Однако, как правило, предметом изучения являются «институализованные истории» мобилизационной политики советской власти, делаются попытки установить причины неудач советской армии, анализируются просчеты и успехи эвакуационных мероприятий и т.п. (исключение составляют исследования Е.С. Сенявской, однако объектом исследования историка выступает человек воюющий – «комбатант». В нашей статье объектом исследовательского интереса является гражданское (цивильное) население [2]). Подобный подход отодвигает на второй план (и это в лучшем случае) основных действующих лиц, субъектов и объектов этой политики – людей, от которых собственно и зависели успехи и неудачи, а в конечном счете, поражение или победа.

Ситуацию, сложившуюся в начале Великой Отечественной войны, мы можем охарактеризовать понятием «социальная травма», введенным в научный оборот польским ученым П. Штомпкой. Состояние социальной травмы, по мнению исследователя, характеризуется следующими параметрами: временная характеристика в виде неожиданности и быстроты; радикальные, глубокие, всесторонние, захватывающие основы содержание и размах; источники, воспринимающиеся как экзогенные, пришедшие извне, такие, на которые люди сами не влияют; воспринимаются в определенном осмысленном контексте – как что-то неожиданное, непредвиденное, чрезвычайное, шокирующее, отталкивающее [3].

Овладение и манипуляция чувствами и состоянием населения в это время играло для советской власти огромное значение. И именно в этой ситуации руководство страны допускало стратегические просчеты и тактические ошибки. В начале войны искусственно насаждались настроения «ура-патриотизма» и «шапкозакидательства», в выступлениях агитаторов и на страницах газет без чувства меры употреблялись гипербализованные эпитеты

о «великой и непобедимой» Красной Армии, ее «всесокрушающей силе» и это на фоне ее поражений и стремительного отступления. «Приученные пропагандой к тому, что «Красная Армия всех сильнее», с трудом привыкаем к новой ситуации, мы внутренне не готовы к ней. Мы все еще напрасно ожидаем каких-то контрударов» [4], – такая реакция была характерной для населения.

По инерции предыдущих годов население целенаправленно вводилось в заблуждение, власть выдавала желаемое за действительное, внушало надежду на легкую победу. Наигранная бодрость и неоправданный оптимизм, приукрашивание действительности, попытки поддержать доверие пропагандистские мифы дезориентировали общественное сознание, подрывали веру в непогрешимость и прозорливость заявлений высших руководителей страны, порождали сплетни и слухи, заставляли переосмысливать, казалось бы, несокрушимые советские идеалы и ценности.

Непонятная в свое время аргументация военных действий СССР на Дальнем Востоке, советско-финской войны, «освободительных походов» Красной Армии в 1939–1940-х гг. давала почву для распространения среди населения слухов о провокации со стороны Советского Союза. Люди не могли понять, почему вопреки заявлениям советской пропаганды о нерушимой дружбе между СССР и Германией, последняя «вероломно напала». «... Не верю, чтоб Германия выступила и провозгласила нам войну, – сокрушался народный артист УССР Н.И. Донец. – Это мы ее спровоцировали, хотя к войне и не готовы...» [5]. Версии об инициативе нападения со стороны СССР среди населения были достаточно распространены, о чем свидетельствуют спецсообщения органов НКВД: «...Откровенно говоря, больше думаю, что не они на нас напали, а мы. У наших правителей давно чешутся руки встрять в драку, и скорей всего так и получилось»; «... мы первые начали войну против немцев, заранее имея с Англией тайный договор... Гитлер и немцы возмущены нашей вероломностью. Гитлер говорит, что дал нам западную Украину, а мы его так отблагодарили...» [6]. В такой ситуации обвинения в вероломстве Германии и таким образом объяснение тактических ошибок не находили сочувствующего отклика у населения.

Сводки Совинформбюро, созданного 24 июня 1941 года для преодоления информационного вакуума, также не вызвали у населения доверия: «Нашим газетам верить нельзя... Пишут, что мы наносим огромные поражения немцам, что фронт находится в Белоцерковском направлении. В действительности же немцы под Киевом...»; «... не верю нашим газетам и радиопередачам, которые освещают наши победы над врагом, тогда как немцам сдали большие города – Смоленск, Кировоград, скоро сдадут Киев и Москву...» [7].

По мере продвижения нацистской армии на восток стали распространяться слухи, инициированные немецкой пропагандой, в основном о сдаче главных городов страны – Москвы, Ленинграда, Киева. В Богуславском районе Киевской области ходили слухи о том, что при отходе из Киева Красная Армия отравила воду, в связи с чем в Киеве в настоящее время [август 1941 – *И.Г.*] свирепствует чума. Огромное впечатление на людей произвели нацистские листовки с информацией о якобы сдаче в плен сына Сталина: «Если уж сын Сталина сдался в плен, значит немцы победят и с ними воевать не следует» [8]. Имея специфические особенности моментально распространяться среди широких масс населения и восприниматься как наиболее достоверная информация, слухи и сплетни создавали атмосферу недоверия, паники, формировали пораженческие настроения. Признанием их чрезвычайной опасности стало издание специального Указа Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, которые возбуждают тревогу среди населения», предусматривавшего наказание от двух до пяти лет заключения [9].

Однако в ситуации социальной травмы трудно было контролировать настроения и чувства людей. Приближение фронта, растерянность местных руководителей вызвали неожиданную у населения реакцию, изменяли поведение, казалось бы, «благонадежных» граждан. Так, в Донбассе были зафиксированы многочисленные случаи, когда шахтеры – члены партии – открыто отказывались платить партийные взносы, сознательно «теряли» или уничтожали партийные билеты [10].

«Почему мы не бьем врага на его территории, как нас этому учили», «немецкая армия готовилась к нападению, а мы нет»,

«товарищ Сталин говорил, что каждая армия учится воевать на чужой территории», «была ли наша страна экономически и в военном отношении подготовленной к войне с Германией», «чем объяснить, что немцы имеют везде преимущество в людях и технике» – такие, по сути, риторические вопросы были типичными на встречах рабочих с агитаторами [11].

Неожиданный для населения ход военных действий начала войны: огромные потери, отступление советских войск и быстрое продвижение немецких (за месяц немецкие войска преодолевали от 360 до 600 км), вызывали растерянность не только у рядового населения, но и у власти на местах, что еще больше усложняло ситуацию. Особенно это касалось эвакуационных мероприятий. Как известно, концепция наступательной войны в принципе не могла иметь детально разработанный план эвакуации. Кроме того, специфической особенностью советской эвакуационной политики, общие принципы которой стали определяться только за две недели до начала войны, было то, что приоритетными при перемещении на восток определялись не люди, а техника, оборудование, сырье. Гуманитарный фактор был подчинен материальному: «... в первую очередь эвакуации подлежат: а) важнейшие промышленные ценности..., ценные сырьевые и продовольственные ресурсы... и другие ценности, которые имеют государственное значение; б) квалифицированные рабочие и инженеры вместе с эвакуируемыми предприятиями, население. В первую очередь – молодежь, годная для военной службы, ответственные советские и партийные работники...» [12]. Если эвакуация материальных ценностей, по мнению исследователей, в целом была проведена успешно (с началом войны из Украины было вывезено почти 550 крупных предприятий, которые вскоре возобновили свою работу на новом месте) [13], то с эвакуацией населения ситуация была совершенно иная. Из-за быстрого продвижения фашистских войск, бомбардировок и артиллерийских обстрелов железных и шоссейных дорог, вокзалов, подъездных путей не смогли выехать многие жители Западной Украины. Из-за того, что основная часть движимого состава железных дорог вывозила промышленное оборудование, продовольствие и другие материальные ценности, рядовые граждане вынуждены были выходить из района боевых действий фактически пешком.

Часто рациональная целесообразность эвакуационных мероприятий вступала в противоречие с политико-пропагандистскими требованиями сдерживать панику и пораженческие настроения. Местным властям, особенно в крупных промышленных городах, было предписано производить стратегическую продукцию до последнего. Партийные и советские органы издавали приказы о запрещении выезда граждан из населенных пунктов, а сами, пользуясь служебным транспортом и положением, отправляли из городов семьи, имущество или бежали сами. Так, в августе 1941 г. коммунист И.И. Ковалев докладывал о панике при эвакуации из Мариуполя, о преступности, бесхозяйственности, бесчинствах партийных руководителей, которые бежали на своих машинах со всем домашним скарбом, мебелью, причем «семьи начальников ехали под зонтиками, брали даже комнатных собачек, а дети, ученики шли пешком» [14]. В железнодорожные вагоны для эвакуации демонтированного оборудования крупнейшего предприятия Донбасса мариупольского завода им. Ильича руководство завода погрузило свое имущество «вплоть до пианино», что вызвало возмущение рабочих: «Руководители уезжают, бросают завод, грузят пианино, а рабочие остаются...» [15]. Представители Главного политуправления Красной Армии передавали с мест неутешительные донесения: «На пути отхода частей Советской Армии установлено много случаев, когда руководители институтов органов власти и партийных организаций проявляют панику. Они заранее оставляют села и города, не организовав эвакуации населения и ценностей»; «... население недовольно поведением местных советских органов власти», так как последние «... за несколько дней до прихода немцев в тот или другой населенный пункт убегают и теряют связь с населением, оставляют его без руководства. Причем бегут так: сначала бежит милиция, а за ней руководители местных органов...» [16]. Стенограмма совместного совещания бюро Сталинского (в настоящее время Донецкая область) обкома КП(б)У и бригады работников ЦК ВКП(б) по вопросам агитационно-массовой работы во главе с Е. Ярославским, которую руководство страны, наученное горьким опытом, прислало в стратегический регион Украины – Донбасс – спасать ситуацию, изобилует примерами

растерянности, бегства местных партийных и хозяйственных органов власти, акций протеста населения [17]. Доходило до абсурдных ситуаций. В городах, как правило, были дома, в которых жили исключительно партийные и ответственные работники и квартиры в которых стремились получить любой ценой. С началом войны эти дома стали стремительно пустеть: их жители в срочном порядке переселялись в небольшие здания, бараки, «закапываться в массы». Как отмечалось в спецдонесениях, такое поведение «элиты» действовало на население «даже коммунистов самым разлагающим образом» [18].

И таких примеров можно привести еще очень много. С одной стороны, такая ситуация вполне объяснима. В экстремальных условиях смещается шкала нравственных общечеловеческих, не говоря уже о политических или идеологических, ценностей. На первое место выходит проблема выживания, спасения своих родных и близких. С другой стороны, усилия, приложенные советской властью в формировании «нового человека», порвавшего со своим прошлым, сослужили в условиях защиты своей родины плохую службу. Такие вновь приобретенные качества, как авторитарная склонность к культу личности и взаимосвязанный с ним общественный инфантилизм, психологический консерватизм, конформизм, формализм, боязнь проявления какой-либо инициативы не способствовали быстрой социальной и психологической адаптации в экстремальных условиях войны. В послеоктябрьский период значительной деформации подверглись чувства патриотизма. Во время индустриализации и коллективизации была существенно нарушена связь сельского населения со средой проживания, когда массово, как в буквальном, так и в переносном смысле, перемещались социальные слои, когда миллионы людей меняли род занятий и место проживания, утрачивая семейные связи, чувство малой родины. В советской Украине большую часть населения составляли крестьяне, для которых связь с землей (антеизм) издревле формировала уклад жизни, а коллективизация, в значительной мере подорвав хозяйственный менталитет миллионов украинских крестьян, не уничтожила его, а привела в состояние «бомбы замедленного действия». Жители Киева накануне оккупации города откровенно высказывали свои настроения: «... возьмите крестьяни-

на. За что ему воевать? У него ведь все забрали...»; «... нет у нашего народа такого настроения, чтоб дать отпор поганому немцу. Много недовольных есть, особенно среди крестьян. Дали б землю крестьянам в собственность, как раньше, так знал бы он тогда, что защищать» [19]. В результате, несмотря на проведение эвакуационных мероприятий, на оккупированной территории Украины осталась большая часть населения не только из-за отсутствия возможности эвакуироваться, но и из-за нежелания срываться с родных мест, бросать свои дома, хозяйство. Немаловажное значение для определенной части населения, так или иначе обиженного советской властью, имело ожидание лучшей жизни в случае ее поражения: «... как надоело работать в колхозе, работаешь и не знаешь, за что... скорей бы война [Германии] с Советским Союзом, стрелять я умею, человек пять отправил бы на тот свет, потому что так жить невозможно», – выразил накануне войны настроения определенной части граждан сын кулака, крестьянин Давид Васильченко [20].

Мы специально акцентировали внимание на негативных проявлениях в поведении, настроениях, чувствах, поступках отдельных представителей украинского населения (а как свидетельствуют архивные материалы и исследования – не только украинского) [21], так как они были далеко не единичными и являлись свидетельствами небезопасного для советской власти кризиса морально-политического и психологического состояния населения в начале войны. Вместе с тем сегодня несправедливо замалчивается (по крайней мере, в украинской историографии) мощный патриотический подъем среди населения, о котором свидетельствуют многочисленные архивные документы, хорошо освещенные в научной литературе сюжеты создания народного ополчения, истребительных батальонов, факты массового добровольного вступления в ряды Красной Армии и многое другое. В первые дни войны советские газеты помещали многочисленные фотографии, на которых были изображены толпы людей возле мобилизационных пунктов того же Киева, Харькова, Одессы и многих других городов и населенных пунктов Украины, и это не было дезинформацией. Всему миру известны подвиги советских пограничников, беспримерное мужество защитников Брестской крепости, безымянных патриотов,

ценой жизни защищавших каждую пядь своей земли. Хотелось бы привести всего несколько примеров, пусть не очень известных и не слишком героических, но – ярких свидетельств, когда и руководители, и рядовые граждане не поддались панике, растерянности, проявляли смекалку, чувство настоящего патриотизма.

В небольшом г. Дружковка Сталинской области секретарь горкома партии Поляков выявлял паникерские настроения коммунистов следующим образом. Он приходил к ним домой и спрашивал: «Засолил овощи или нет? Почему не засолили, сбежать хочешь?» И в приказном порядке заставлял партийных и ответственных работников делать заготовки на зиму, предоставляя бесплатную тару. Как только коммунисты стали солить овощи, паника среди населения прекратилась [22].

Директива № 624 СНК СССР и ЦК ВКП(б) организациям прифронтовым областей от 29 июня 1941 г. обязывала уничтожать все ценное имущество, оборудование, запасы сырья, зерно, которые не могут быть вывезены, для того, чтобы ими не мог воспользоваться враг. Исполнение этой директивы угнетающе действовало на население. Тактика «выжженной земли» оставляла его не только без средств выживания, но и отбирала у них последнюю надежду на защиту со стороны государства. Особенно когда сжигали святое для человека – хлеб. В Днепропетровской области во время жестоких оборонных боев генерал Л.Я. Малиновский, нарушив приказ, запретил жечь хлеб: «Это невозможно. Когда бойцы увидят, что за их спинами все пылает, они не смогут сражаться! Мы деморализуем армию. Я не пойду на это! Попробуйте понять, что чувствует солдат, получивший приказ биться до последней капли крови, не отступать, и который в то же время видит, что за его спиной все предают огню! Потому что, когда поджигают, значит не верят, что враг будет остановлен!» [23].

Таким образом, трагическое начало войны подчинило все мысли и действия населения вопросам самосохранения. Мотивационное поведение большинства граждан характеризовалось ожиданием, приспособлением к новым экстремальным условиям. Последующие события расставили свои ценностные приоритеты. По мере того как война превращалась в борьбу за выживание, причем не только существующей системы и государства, но

и всего населения СССР, она действительно стала отечественной и национально-освободительной. Патриотические чувства стали одним из решающих факторов поддержки морально-психологической атмосферы в стране. Большую роль тут сыграла и корректировка официальной идеологии, всецело направленной на пропаганду на-

ционально-государственного патриотизма. Однако, по нашему мнению, сами по себе экстремальные условия войны, необходимость мобилизовывать все силы для физического и духовного выживания в значительной степени повлияли на сплоченность советского народа, что дало возможность противостоять врагу.

Примечания:

1. Козлов Н.Д. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / Н.Д.Козлов. СПб.: ЛОИУУ, 1995. 140 с.; Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941-1945 годов / В.Ф. Зима. М.: Ин-т Российской истории РАН, 2000. 278 с.; Гриневич В.А. Суспільно-політичні настрої населення України в роки Другої світової війни (1939–1945 рр.). К.: НАН України, Інститут політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф.Кураса. 2007. 520 с. и др.
2. Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки: На примере двух мировых и афганской войн / Рос. академия наук, Ин-т российск. истории. М.: Изд. центр ИРИ, 1997. 226 с.; Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. Рос. академия наук, Ин-т российск. истории. М.: РОССПЭН, 1999. 382 с.; Сенявская Е.С., Литвиненко В.А. Роль ленд-лиза и второго фронта во Второй мировой войне: мифы и реальность в историографии и политическом дискурсе // Былые годы. 2010. № 2. С.49–58.
3. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования / П. Штомпка. 2001. № 1. С.8, 9.
4. Гойхберг М. До, во время и после войны. Записки старого доктора // Радуга. 1996. № 9–10. С. 135.
5. Київ у дні нацистської навали за документами радянських спецслужб / Упоряд. Т.В.Вронська, А.В.Кентій, С.Акокін, О.Є.Лисенко, Г.В.Смирнов. К.-Львів: Б.в., 2003. С. 88.
6. Там же. С. 94, 100.
7. Там же. С. 151, 166.
8. Российский архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 52. Л. 36.
9. Гишко Н.С. ГКО постановляет // Военно-исторический журнал. 1992. № 3. С. 17–19.
10. Государственный архив Донецкой области (далее – ГАДО). Ф. 326. Оп. 1. Д. 1898. Л. 2–3.
11. Там же. Д. 1896. Л. 71.
12. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» от 27 июня 1941 г. // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 29.
13. Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 7–27.
14. ГАДО. Ф. 326. Оп. 1. Д. 1897. Л. 2–3.
15. Там же. Д. 1821. Л. 6.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 10. Л. 50, 51, 64, 65.
17. ГАДО. Ф. 326. Оп. 1. Д. 1898.
18. Там же. Д. 1897. Л. 6.
19. Київ у дні нацистської навали. За документами радянських спецслужб. С. 146.
20. Радянські органи державної безпеки у 1939 - червні 1941 р. Документи ГДА СБ України / Упоряд. В.Даниленко, С.Кокін. К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2009. С.981.
21. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: Изд-во «РОССПЭН», 2000. 862 с.
22. ГАДО. Ф. 326. Оп. 1. Д. 1898. Л. 10.
23. Безсмертя. Книга Пам'яті України, 1941–1945 рр. / Голова ред. комісії І.О.Герасимов. К.: Пошуково-видавниче агентство «Книга Пам'яті України», 2000. С. 488.

Сведения об авторе:

Гридина Ирина Николаевна, доктор исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики Донецкий национальный университет (Украина).
E-mail: irina_gridina@mail.ru